
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

© 2005 Л.Д. Федосеева

УДК (=35)

ББК 63.3 (235.7)

Ф 22

Ермолов на Кавказе

Аннотация:

В статье рассматривается период деятельности Ермолова А.П. связанный с его пребыванием на Кавказе (1816-1827 гг.) в качестве командира Кавказского корпуса и управляющего по гражданской части на Кавказе и в Астраханской Губернии. Раскрывается не только его военная деятельность, но и выдающиеся способности администратора и государственного человека.

Ключевые слова:

Дипломатическая миссия, военный деятель, мирные переговоры, Грузинский корпус, Кавказская линия, покоренный край, поселенцы, немецкие колонисты, фаворит, заложники, аманаты.

«Но се – Восток подымлет вой!..

Поникни снежной головой,

Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»

А.С. Пушкин¹

Яркая, самобытная и противоречивая фигура Ермолова, вероятно, еще долгие годы будет вызывать споры исследователей. И неудивительно: ореол героя Отечественной войны, талант полководца, дипломата, администратора уживались в нем с репутацией грозного «проконсула Кавказа», чьим именем горские матери пугали своих детей.

После завершения Заграничного похода Русской армии ожидалось, что Ермолов возглавит Военное министерство. Но, в апреле 1816 года последовал рескрипт Александра I о назначении Ермолова командиром отдельного Кавказского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии – проведения скорейшего разграничения земель между Ираном и Россией согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г.

Данное назначение Ермоловым было принято без особого желания. «Не с равным удовольствием принял я назначение меня послом в Персию. Меня утрашали дела, по роду своему совершенно мне незнакомые. Я наслышался о хитрости и коварных свойствах персиян, и отчаивался исполнить с успехом поручение государя.

Ничто так не оскорбляет самолюбия, как быть обманутым, а я никак не надеялся избежать того»².

Тем не менее, переговоры с шахом в его летней резиденции в 1817 г. завершились успешно: были решены спорные пограничные и территориальные вопросы, установлены дипломатические отношения России с Ираном. Дипломатическая миссия Ермолова в Иран была полностью выполнена: «...возложенные на меня поручения кончил я довольно удачно. Переговорам моим немало

способствовало то, что я вежливым образом обхождения моего и, умевши оказывать лестные уважения шаху, весьма ему понравился. Он щедр был в похвалах на мой счет, и никто из вельмож не смел ничего, сказать противного.

Со времени посещения моего Персии уничтожен в отношении к русским тот гордый этикет, которому подвергались они наравне со всеми прочими европейцами, и для коих он доселе существует»³.

Назначение боевого и популярного генерала Ермолова на Кавказ многими было воспринято как опала. Однако, назначая его наместником Кавказа, Александр I преследовал далеко идущие военно-политические цели. Во-первых, он рассчитывал на то, что Ермолов, талантливый и энергичный государственный и военный деятель, наиболее подходящая кандидатура, способная выполнить задачи укрепления позиций России на Кавказе и приведения в подданство российскому императору непокорных горских народов. Во-вторых, Александр I считал необходимым удалить на Кавказ очень популярного в армии и передовых кругах России генерала. Тем более что после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии известность Ермолова возросла. Зато кавказские войска с восторгом узнали о назначении главою их Ермолова, любимца народной молвы, стяжавшего себе громкую славу и качествами опытного и талантливого вождя, популярнейшего в войсках, и своей неподкупной честностью, и своей истинно русской душой, и меткими злыми остротами над господствовавшими тогда всюду в России «немцами».

Российское правительство прекрасно понимало огромное значение Кавказа как одного из важнейшего военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Тем более, что сложившаяся к началу XIX в. международная обстановка этому также способствовала. С одной стороны происходит укрепление позиций ряда европейских государств, в первую очередь Англии и Франкии на Ближнем и Среднем Востоке, что вызывает озабоченность России. С другой стороны, растет

прорусская ориентация ряда кавказских народов, страдавших как от междоусобиц, так и от разорительных нападений со стороны Османской Турции и шахского Ирана.

Если обратиться к истории Кавказской войны, то можно узнать, что больше всего в ней мешали указания из Петербурга. Высокопоставленные столичные чиновники, в любом смысле бесконечно далекие от войны, считали, что Кавказ можно успокоить только мирными переговорами и «экономическими методами». «Петербург проявлял полное незнакомство с обстановкой, а горцы считали «снисходительный» образ действий за признак слабости русских и все более смелели»⁴.

Генерал Потто писал: «Наши традиционные отношения к завоеванным ханствам и горским народам были фальшивы в самом своем основании... Все наши сношения с мелкими кавказскими владениями носили характер каких-то мирных переговоров и договоров, причем Россия являлась как бы данницей. Большей части не только дагестанских и иных ханов, но даже чеченским старшинам простым и грубым разбойникам, Россия платила жалованье... В столице считали полудиких горцев чем-то вроде воюющей державы, с которой можно было заключить мирный договор и успокоиться»⁵.

Зато, по словам А.А. Керсновского, автора «Истории Русской армии», «с прибытием героя Эйлау и Бородина в истории Кавказа началась «ермоловская эпоха» – бесспорно, самая блестящая ее страница»⁶.

При вступлении в должность командующего отдельным Грузинским корпусом и генерал-губернатора Кавказа и Астраханской губернии Ермолов представил Александру I план своей военной и административной деятельности на Кавказе, которого затем придерживался неуклонно. Исходя из того, что «установить мирные отношения при существующих условиях совершенно невозможно. Надо было заставить горцев уважать русское имя, дать им почувствовать мощь России, заставить себя бояться. А этого можно было добиться лишь силой, ибо горцы привыкли считаться только с силой»⁷. Поэтому он поставил за правило не спускать разбойникам ни одного грабежа, не прощать ни одного набега. С радостью приняли войска приказание преследовать разбойников, и конечно не упускали не одного случая отмщения. «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, – сказал генерал, – или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведем же осаду!»⁸.

Ознакомившись с планом Ермолова, царь его одобрил. Так как, он включал в себя приведение в подданство горских народов Северного Кавказа и завершение образования российского административного устройства на Кавказе.

Император Александр отдал повеление, в котором как бы резюмировал сущность ермоловского плана: «Покорять горские народы постепенно, но настоятельно; занимать лишь то, что удержать за собою можно, не распространяясь иначе, как став твердою ногою и обеспечив занятое пространство от покушений неприязненных»⁹.

Начало своей деятельности Ермолов ознаменовал инспекционной поездкой, где занимался осмотром крепостей, знакомился с мирным и военным бытом казачества и войска. Состояние крепостей найдено Ермоловым неудовлетворительным, многие из них Усть-

Лабинская, Кавказская крепости, укрепление Горочный окоп, были непригодны для борьбы против неприятеля. В связи с этим наиболее важные из них обновляются, а те, которые не отвечали нуждам обороны, например укрепление св. Николая, ликвидируются. «Укрепление св. Николая устроено предшественником моим генералом Ртищевым, и трудно узнать, чего он желал более, места нездорового или бесполезного. Во время разлития Кубань наполняла водою все укрепления и через окна входила в жилища солдат. Болезни и смертность превосходили вероятие. «Я приказал уничтожить убийственное сие укрепление»¹⁰. Для усиления границ по приказу Ермолова, хоперскими казаками основываются новые станицы.

Осенью 1817 года кавказские войска были усилены прибывшим из Франции оккупационным корпусом графа Воронцова. В состав этого корпуса входили полки, которым суждено было участвовать почти в полувековой военной грозе, – апшеронцы и шерванцы, тенгинцы и куринцы, гренадеры-херсонцы и егеря-мингрельцы. С прибытием этих сил у Ермолова оказалось в общей сложности около 4 дивизий, и он мог перейти к решительным действиям.

Войска стали планомерно продвигаться к сердцу «Кавказской крепости». Ермолов начал весной 1818 с покорения Чечни и Горного Дагестана. Оно проводилось суровыми военно-колониальными методами. Генерал и в тоже время положил некогда не делать второго шага, не сделав первого, – не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав наступательных плацдармов»¹¹.

В непроходимых лесах прорубались просеки, прокладывались дороги, основывались крепости. В 1818 году была заложена крепость Грозная, в 1819 г. – Внезапная, в 1821 г. – Бурная, затем цепь других крепостей по рекам Сунже, Тереку, Кубани, где были поселены враждебные чеченцам племена, казаки и расквартированы регулярные войска, следуя принципу «разделять и властвовать». Строительство крепостей и дорог проводилось не только силами русских солдат: для этих работ массами сгонялось и местное население, для которого возведение укрепленной линии явилось тяжелой повинностью.

Ермолов заново создал укрепленную Кавказскую линию как опору для планомерного наступления на территории горских народов Кавказа.

Непокорные селения сжигались, сады вырубались, скот угонялся.

«Селения приказал я истребить, – писал Ермолов, – великолепные сады вырублены до основания. Через реку Мартан сделана хорошая переправа и открыта широкая дорога. На обратном пути сожжены два селения Рошни. Многие другие приведены в покорность»¹². Покорение народа приводилось к присяге на верность российскому императору, облагались данью. А разбойники и «немирные» аулы, не желавшие покориться, уничтожались в бою или вытеснялись в горы. «В селении Прохладном пригласил к свиданию со мной, – пишет Ермолов – князей, священнослужителей... С досадою упрекал я им в нарушении обещаний вести жизнь мирную и самой присяги в том, несколько раз ими данной. Поставил им в пример того же года наказанный за укрывательство разбойников аул, ... который по приказанию моему разрушен до основания, взять до 2 тыс. лошадей и весь

скот, и что жителям одного только позволено было вывести жен своих и детей»¹³.

Воюя в горах, генерал Ермолов брал на вооружение методы, принятые здесь испокон веку. В частности, взятие аманатов, заложников, которые должны быть казнены в случае обмана, нарушения или предательства со стороны своих соплеменников. Алексей Петрович считал, что «снисхождение в глазах азиатов – знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю, строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены»¹⁴.

Однако не только огнем и мечом проходил генерал Ермолов по землям горцев, но и претворял в жизнь целую систему мер по благоустройству покоренного края, развитию в нем самоуправления, обеспечения нормальной мирной жизни. Вся его политика сводилась, в общем – то к вполне понятному правилу: будь честен, уважай законную власть – и ты будешь жить хорошо, потому как великая Россия будет заботиться о тебе.

Гражданское управление обнаружило в Ермолове выдающиеся способности администратора и государственного человека. Была прекращена межнациональная рознь, сопровождавшаяся разбойными набегами, велась борьба с работоторговлей, многое было сделано Ермоловым для развития сельского хозяйства, промышленности, торговли и культуры Кавказа. Он поощрял развитие шелководства и виноградарства, строительство в городах, обеспечил безопасность дорог, реконструировал Военно-Грузинскую дорогу через Кавказский хребет и проложил ряд новых дорог, имевших большое стратегическое и хозяйственное значение. Алексей Петрович уделял внимание торговле с горцами. При нем открылись новые меновые дворы, причем товарами собственного производства горцы могли торговать на них беспощинно. В Тип лисе были построены монетный двор, меднолитейный и пороховой заводы. В 1819 г. стала выходить первая грузинская газета. Иного внимания он уделил устройству сети школ в Грузии. Занимался благоустройством Тифлиса, Дербента, Шемахи.

В Тифлисе Ермоловым был открыт офицерский клуб с богатой библиотекой. На 100 тыс. рублей, выданных ему на посольство в Иран в 1817 г., он построил для солдат госпиталь в Тифлисе. Были построены или благоустроены курорты в Эссентуках, Пятигорске, Железноводске, Кисловодске.

Для исследования и выбора места торговли с туркменами, Хивой и Бухарой, Ермолов в 1818 г. Направил на восточное побережье Каспия экспедицию во главе с капитаном Н.Н. Муравьевым. Чтобы существенно оживить торговлю края, по ходатайству Ермолова через Закавказье был введен транзит для европейских товаров. Для развития земледелия в Прикубанье были поселены немецкие колонисты, которые доставили Ермолову не мало хлопот и проблем. «В продолжительное отсутствие мое прибыли из России виртембергские колонисты в числе 500 семейств. Министр внутренних дел по неосмотрительности препроводил их тогда, как не только не сделано было никаких для водворения их приготовлений, даже не было достаточно казенной земли для них.

Я ... выписал тридцать семейств колонистов, изыскивая тех из жителей Германии, которые по испытанной нравственности отличаются порядком домашнего устройства. Министр доставил первых ему

попавшихся, и я не достиг своей цели. Но такого количества, в каком прибыли колонисты, я не когда не желал, а еще менее мог быть довольным, нашедши их секты сепаратистов, без всякой нравственности, преданных разврату, невоздержанных, небережливых и праздных. Итак, колонисты по необходимости поселены на правом берегу, чего не должно было, случится, если бы прежде не жили прислать их в большом, несоизмерно со способами, количестве, спрошено было мнение начальства»¹⁵.

Ермолов принял энергичные меры к увеличению населения края. Его стараниями в 1822 г. с Украины (Полтавская и Черниговская губернии) на Кубань было переселено 25 тыс. семейств малороссийских казаков. Был учрежден особый комитет, «дабы обеспечить участь поселенцев и предупредить их нужды»¹⁶. Чтобы поддержать казачество и помешать расхищению войсковых земель, он приказал обратить в казачье сословие крестьян, выведенных из России, которых помещики в определенный срок не пожелали возвратить. «Этим достигалось две цели, – характеризуя деятельность Ермолова, писал военный историк В.А. Потто, – обращалось в военный элемент то сословие, которое прежде отвлекало силы края на свою защиту, и уничтожалось одно из побуждений захватывать в свои руки казачьи земли, которые уже теперь не было возможности заселять и обрабатывать крепостным трудом»¹⁷.

Ермоловым много было сделано для улучшения жизни крестьян: в 1822 г. он освободил крепостных крестьян, принадлежавших мятежным кабардинским феодалам; в 1824 г. составил Правила об управлении калмыками в астраханской губернии, чтобы оградить этот народ от произвола местного чиновничества; по его представлению в 1824 г. Александр I утвердил указ о праве выкупа в Грузии крепостных крестьян на волю, во время продажи их с публичного торга.

Тем временем жизнь в самой России шла своим чередом, императора Александра I сменил его брат Николай I, о чем возвестили картечные залпы на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 года. В ходе следствия выяснилось, что Ермолов был близок со многими декабристами, прекрасно осведомлен об их взглядах и настроениях, сочувствовал этим взглядам, хотя и не принимал их революционных методов борьбы. Первыми его адъютантами были П.Х. Грабе и М.А. Фонвизин. Позже Ермолов был в близких отношениях с К.Ф. Рылеевым, С.Г. Волконским, М.Ф. Орловым. На Кавказе под его начальством служили в разное время декабристы. А.А. Авенариус, П.». Коховский, Е.Е. Лачинов, А.И. Якубович, В.К. Кюхельбекер, П.М. Устимович, П.А. Муханов, Г.И. Копылов и др.¹⁸ Многие декабристы очень рассчитывали на поддержку Кавказского корпуса и лично генерала Ермолова. В то время ходили упорные слухи о том, что корпус Ермолова откажется от присяги Николаю I и двинется на Петербург. Николай I с тревогой ожидал известий о том, как пройдет присяга на верность ему в корпусе Ермолова. А сам Алексей Петрович, не поспешил привести свои войска к присяге новому государю. Вспомнились также отдельные его слова, замечания; «злоупотребления», «проконсульские замашки». Приводим, например его приказ в 1819 году, – указывает в своей работе Кирсоновский А.А., – которым

Ермолов самовольно переименовал полки Кавказского корпуса и который он не отменил, несмотря на категорические приказания Военного министерства. Ермолов приказал меняться наименованиями друг с другом»¹⁹.

К тому же Кавказский корпус резко отличался от всей прочей Русской армии, в которой тогда главенствовали муштра и шагистика. А здесь сформировался особенный тип русского воина – самостоятельного, инициативного, отважного, предприимчивого. Керсновский А.А так писал о Кавказской армии: «Маленькая часть большой русской армии, заброшенная на далекую дикую окраину, свершила здесь великие дела. Ее не коснулись гатчинские вахтпарадные эспантоны, ее не осквернили шпицрутены военных поселений, ее бессмертный дух не стремились угасить плацпарадной фикцией «линейного учения.» Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат»²⁰. Именно здесь закалялись характеры, создавались боевые легендарные традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных. Эти боевые традиции, эту Суворовскую Науку Побеждать кавказские полки передавали из поколения в поколение, показывали ее во всех своих дальнейших встречах с врагом.

И вообще в России мирного времени правители не жаловали популярных военачальников, всегда подозревая в них какую-то потенциальную угрозу. Так что дни Ермолова на Кавказе были уже сочтены. Против него давно велись интриги в Петербурге. Он был опальным генералом. «Этот большой русский человек, – писал Кирсановский А.А., – своим саркастическим умом и независимым суждением нажил много врагов – и врагов сильных и влиятельных»²¹. Не выносивший новых порядков и немецкого засилья, этот последний продолжатель традиций екатеринских орлов «пришелся не ко двору» Николаю I. Император счел опасным вести следствие о Ермолове в связи с делом декабристов в обычном порядке и повел дознание особым, секретным путем. У него в руках было достаточно данных для ареста и допроса генерала. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой. Николай I разработал план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и отставки.

В июне 1926 г. иранский шах, подстрекаемый Англией, начал военные действия против России. Первые военные неудачи русских войск послужили императору Николаю Павловичу благоприятным предлогом отправить

на Кавказ своего фаворита генерала И.Ф. Паскевича официально в помощь Ермолову, на самом же деле для его замены. Судьба Алексея Петровича была решена. 27 марта 1827 г. он был освобожден от всех должностей. Уведомляя Ермолова об отставке, Николай I писал ему: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления»²². Вместе с Ермоловым были уволены в отставку и его сподвижники («ермоловцы»), признанные «вредными».

Генерал оставил Кавказ, но там еще долго жила память о нем и славной «Ермоловской эпохе», отразившейся не только в солдатских преданиях, но и в стихах лучших наших поэтов:

*... И ты, Ермолов незабвенный,
России слава, горцам страх,
Чье имя, как завет священный,
Штыками врезано в горах... –*

писал Домонтович²³.

Примечания:

1. Пушкин А.С. Сочинения, в 3-х т. Т-2. Поэмы. – М., 1986. – С.21.
2. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. – М., 1991. – С. 268-270.
3. Там же. – С. 293.
4. Керсновский А.А. История Русской армии в 4 томах. Т.2. – М., 1993. – С. 94.
5. Потто В.А. Кавказская война: В 5т.; Т.2: Ермоловское время. – Ставрополь, 1994. – С. 18.
6. Керсновский А.А. Указ. соч. – С.94.
7. Там же. – С. 94.
8. Там же. – С. 95.
9. Там же. – С. 95.
10. Записки А.П. Ермолова. Указ. соч. – С. 301-302.
11. Керсновский А.А. Указ. соч. – С. 94-95.
12. Записки А.П. Ермолова. Указ. соч. – С. 424.
13. Там же. – С. 311.
14. Потто В.А. Указ. соч. – С. 19.
15. Записки А.П. Ермолова. Указ. соч. – С. 322-323.
16. Там же. – С. 13.
17. Потто В.А. Указ. соч. – С. 504.
18. Записки Л.П. Ермолова. Указ. соч. – С. 15.
19. Керсновский А.А. Указ. соч. – С. 98.
20. Там же. – С. 115.
21. Там же. – С. 98.
22. Записки А.П. Ермолова. Указ. соч. С.18.
23. Потто В.А. Указ. соч. С.7.